

Память
огненных
лет

Номер на шее

11 апреля — Международный день освобождения узников фашистских концлагерей.

Якову Харитоновичу Офицерову, как и всем другим участникам войны и труженикам тыла, пришлось перенести столько трудностей и лишений, что хватило бы не на одну жизнь. А он на себе испытал все тяжести немецкого плена, и судьба его такая сложная и трудная, какой не пожелаешь никому. Вспоминать о годах, проведенных в плену, он не любит, а когда все-таки по чьей-то просьбе или вдруг по собственному желанию начинает рассказывать об этом периоде своей жизни, то не может удержаться от слез...

На службу в армию он ушел в 1939 году и до 1941 года находился в Благовещенске. А потом в составе особого 177 строительного батальона был переброшен в Литву, на границу. Как говорит сам, с первой минуты попал на войну, участвовал в боях, но в основном был в отступлении. Унизительно это — чувствовать преимущество немцев и свое бессилие, оставлять им свою землю, но что

мог сделать наш солдат с обыкновенной винтовкой против вооруженной до зубов вражеской армии...

“В августе сорок первого нас окружили, и никуда было не деться и не вырваться, — рассказывает Яков Харитонович, — потом согнали, как баранов... Вот так и оказался вместе со всеми в плену, и начались мытарства по лагерям...”

Попал в Польшу, в концентрационный лагерь под номером 12. Был у него, как у всех узников, и свой номер, висевший на шее вместо креста. Его Яков Харитонович назвал приблизительно — 13630: не хотелось, видимо, держать в памяти эту отметину.

Плен начался с того, что заболел дизентерией и месяца три провалялся в санчасти, после чего смотреть на него было страшно — кожа да кости. Но и другие выглядели не лучше, ведь кормили баландой, называвшейся супом, и хорошо, если в ней попадались какие-нибудь кусочки свеклы, моркови, картошки... А

работать заставляли, как здоровых. Пленные строили бараки, рыли ямы и траншеи, на себе таскали тяжести.

Однажды выстроили на плаце, как делали нередко, и стали выкрикивать номера. В числе других назвали и номер Якова Ха-

ритоновича, и попал он после этого в работники к польскому пану, где пробыл около года. Работал в основном на полях, и хоть тоже приходилось несладко, жилось посытнее — картошкой кормили вдоволь, хлеба давали.

Оттуда переправили на судостроительный завод в Гданьск. Яков Харитонович вспоминает в связи с этим такой случай: “Как-то холодным декабрьским днем мы, человек пять, разоггли костер, чтобы погреться, ведь ни рукавиц на руках, ни одежды путной — замерзли. Только немного тепло почувствовали, как подбегают немцы: “Рус! Арбайтен!”. Мы разошлись, стали опять кирками землю долбить, а как только немцы удалились, снова за свое. А ребята ко мне по фамилии все время обращались — Офицеров да Офицеров, ну немцы и решили, что я — офицер. Отозвали меня в сторону и прикладом по голове, да так, что на третий раз приклад отлетел в сторону, а я свалился. Лежу, раздели меня, руки стали крутить... Наиздевались, потом велели одеться и посидеть на пенке. А у меня руки вздулись, как бугры. Оклемался, пошел в санчасть, мне дали на три дня освобождение от работ. Не знаю, чем бы это закончилось, если бы вско-

ре снова не выкрикнули мой номер...”

Тут Яков Харитонович оказался у другого пана, и это дало небольшую передышку, позволившую, наверное, выдержать весь срок плена. Месяца три—четыре пробыл у поляка, а потом снова перевели на завод, теперь уже кирпичный. С ним тоже связаны свои воспоминания.

Мылись в бане, и попалось ему ниже белье с оторванной внизу лямкой. Унтер-офицер, скорее всего чтобы лишний раз придрататься, стал обвинять Якова Харитоновича, что он это сделал нарочно. Но слов показалось недостаточно, и снова началась побой. Не помня себя от боли, Яков Харитонович бросился бежать, а немец — за пистолет. Пришлось вернуться. И поставили его на два часа на солнцепек, передав через переводчика, чтобы не смел шелохнуться, иначе получит пулю в лоб. Так и стоял, не имея возможности отогнать ни мух, ни комаров, обливаясь потом, а когда разрешили идти, не мог сдвинуться с места — весь словно одеревенел.

“Много чего я там нагляделся, — с дрожью в голосе говорит Яков Харитонович. — Мертвые нас не страшили совсем, ведь они были везде. Люди умирали, как мухи-

Вместо Креста...

и мы привыкли к этому, спокойно проходили мимо, бывало, и перешагивали через покойников, и ели, а рядом лежал кто-то мертвый. Да что там... Проснешься утром, а тот, с кем спал на одной койке, не встает. Начинаешь будить, а он уже холодный... Смерть была кругом, каждый день хоронили своих товарищей. Нас по четырнадцать человек запрягали в бричку, и тащили мы эту ношу до могилы, а там – рядами складывали умерших, слегка засыпая землей...

В конце концов судьба забросила Якова Харитоновича к Северному морю, на один из аэродромов. Занимались тем, что собирали бут, строительный камень, и перевозили его на тележке. Работа изнуряла, всегда хотелось есть. Употребляли в пищу все, что попадало под руку. Например, находясь на работе возле посов озимых, набивали ими карманы, а потом складывали в котелки и ели вперемешку с баландой – все-таки посытнее...

И все равно силы постепенно таяли. А один надсмотрщик, всегда в гражданской одежде, не давал им спуску, заставляя столько грузить буга, что они не могли с места сдвинуть тележку. А он то ударит, то пиннет. "И так он нас дошкурил, — вспоминает Яков Харитонович, — что мы пошли на хитрость и сказали одному из солдат, что уьем его. Нам, дескать, терять нечего, все равно, когда умирать... Под воздействием, стал меньше издеваться?"

Но война, какой бы долгой и ужасной ни была, близилась к концу, и 7 мая пленных, в том числе и Якова Харитоновича, погрузили спешно на корабль. Прошел дух, что отправят их в Англию или Норвегию. Капитан почему-то

медлил, ссылаясь на неисправность, и кто его знает, как было на самом деле. Может, и, правда, корабль не мог отправиться в плавание, а, может быть, капитан не хотел рисковать, предвидя и другой вариант – их просто могли потопить.

Вот так закончилась для Якова Харитоновича война, в которой ему удалось выжить. В чем-то ему везло, где-то сам не давал маху, а в целом, конечно, большую роль сыграло то, что был он

крепким и здоровым. Это чувствуется и сейчас: в свои 87 лет Яков Харитонович выглядит бодрым, обладает хорошей памятью. Он и сам подтверждает, что природа не обделила его здоровьем: "Если бы не плен, я бы к своим годам еще лет двадцать добавил. А был бы слабым, не выдержал бы ни за что того, что довелось. Сколько в лагерях полегло нашего брата – сказать страшно. Когда гнали нас к Северному морю, вдоль дороги, как вешки, оставались трупы. Так даже пули для нас жалели. Ослаб человек, споткнулся или упал – ткнут штыком, и идем дальше. Ничего не стоила наша

жизнь..."

И хоть много смертей он повидал, многих друзей потерял, одного молодого парня, студента из Москвы, который хорошо знал немецкий язык и пытался, как сейчас говорят, качать права, добивался, чтобы кормили хоть чуть-чуть получше, за что и поплатился своей жизнью, — забыть не может. Его расстреляли в самом конце.

После войны Яков Харитонович был направлен для прохождения службы в Германию, в город Дрезден, поразивший его разрухой. Бывал и в других немецких городах, тоже разбитых до невозможности, и не переставал удивляться: зачем

нужно так заставлять страдать свой народ?

Демобилизовался в 1947 году. Постепенно свыкся с мирной жизнью, стал работать пекарем, обзавелся семьей. Со своей женой Анной Илларионовной, тридцать лет проработавшей воспитательницей детского сада, они вырастили шестерых детей. Нет-нет, да рассказывал он им понемногу о годах, проведенных в плену, а один из сыновей, Александр, так получилось, что служил в армии тоже в Германии, тоже в Дрездене и даже в той же казарме, что и отец! Только время было другим, мирным. И это самое главное, это то, чего для детей своих, внуков Яков Харитонович хочет больше всего на свете.

В семье Александра подрастает Яша, названный так в честь дедушки. И пусть над его головой всегда будет только мирное небо, но пусть он всегда знает и помнит, какой это достается тяжелой ценой.

А антоновцы до сих пор вспоминают, какой вкусный хлеб выпекал Яков Харитонович. Он и не мог по-другому. Наголодавшись и настрадавшись досыта, он вкладывал в него не просто свои силы и труд, а всю измученную в плену, но постепенно оттаивавшую душу...

Л.Георгиева.